

Сергей Михайлович Соловьев

**История России с древнейших
времен. Том 8**

Сергей Михайлович Соловьев
История России с
древнейших времен. Том 8
Серия «История России с
древнейших времен», книга 8

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172037

История России с древнейших времен. Книга IV. 1584-1613: АСТ,

Фолио; М.; 2001

ISBN 5-17-002141-0

Аннотация

Седьмой и восьмой тома сочинений С. М. Соловьева «Истории России с древнейших времен» освещает события от начала царствования Федора Иоанновича и до освобождения Москвы от иностранных интервентов и возведения на престол Михаила Романова.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ

4

Конец ознакомительного фрагмента.

70

Сергей Соловьев
История России с
древнейших времен.
Том 8. От царствования
Бориса Годунова до
окончания междоцарствия

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ЦАРСТВОВАНИЕ
БОРИСА ГОДУНОВА

Избрание Годунова. – Неофициальные известия об этом избрании. – Въезд нового царя в Москву. – Подкрестная записка. – Слух о нашествии хана. – Борис выводит войско за Москву. – Торжество без подвига. – Меры для утверждения Бориса на престоле. – Царское венчание Бориса. – Милости. – Благоприятные отношения к соседям. – Посольство Льва Сапегы в Москву. – Посольство Салтыкова в Литву. – Сношения Годунова с ливонскими недовольными. – Вы-

зов шведского принца Густава в Россию. – Датский принц Иоанн, жених царевны Ксении; его смерть. – Сношения с Австриею, Англиею, городами Ганзейскими, Италиею, Крымом. – Неудачи русских за Кавказом. – Успехи за Уральскими горами. – Внутренние распоряжения Бориса

Русь древняя, Киевская, жила обычаем: по старому обычаю великое княжение принадлежало старшему в целом роде; Русь новая, Северная, пошла против этого обычая; обычай потерял силу, но до закона о престолонаследии юное государство еще не доросло; вся власть собралась в руках единовластителей, и вот Иоанн III объявил: «Разве я не волен в своем внуке и в своих детях? Кому хочу, тому и дам княжество». Этой воли не оспаривал никто и у правнука Иоаннова, Феодора, в знаменитый 1598 год.

Никогда еще для Московского государства завещание, последняя воля царя, не имело такого важного значения, как при смерти Феодора Иоанновича, сходявшего в могилу беспотомственно. На кого указал царь и указанием этим освободил народ от многотрудного дела избрания? Но Феодор умер, как жил: и в последние минуты жизни, как во все продолжение ее, он, избывая мирской суеты и доуки, не решил великого вопроса, предложенного ему патриархом и боярами: «Кому царство, нас, сирот, и свою царицу приказываешь?» Тихим голосом отвечал на это Феодор: «Во всем царстве и в вас волен бог: как ему угодно, так и будет; и в царице

моей бог волен, как ей жить, и об этом у нас улажено». Патриарх Иов в житии Феодора говорит, что царь вручил скипетр супруге своей; но в других памятниках, заслуживающих в этом отношении большего доверия, в избирательных грамотах Годунова и Михаила Федоровича, сказано: «После себя великий государь оставил свою благоверную великую государыню Ирину Федоровну на всех своих великих государствах». Но понятно, как велика разница между выражениями «вручить скипетр» и «оставить после себя на престоле». Действительно, по смерти Феодора оставалась особа, к нему самая близкая, носившая царский титул, Ирина, и ей поспешили присягнуть, чтоб избежать междуцарствия. Но Ирина отказалась от престола, объявив желание постричься; патриарх с боярами и народом били ей челом, чтоб не оставила их, сирот, до конца была бы на государстве, а править велела брату своему Борису Федоровичу, как было при покойном царе. Много раз били об этом челом Ирине, но она не согласилась и в девятый день по кончине мужа выехала из дворца в Новодевичий монастырь, где и постриглась под именем Александры.

Во главе правления должен был стать патриарх, как первое лицо в государстве после царя. О том, как решались дела в это время, всего лучше может дать нам понятие следующее местническое дело: «Писал государыне царице иноке Александре Федоровне из Смоленска князь Трубецкой на князя Голицына, что тот никаких дел с ним не делает, думая, что

ему меньше его, Трубецкого, быть невместно. По царицыну указу бояре, князь Федор Иванович Мстиславский с товарищами, сказывали о том патриарху Иову, и по царицыну указу писал патриарх Иов к Голицыну, чтоб он всякие дела делал с Трубецким, а не станет делать, то патриарх Иов со всем собором и со всеми боярами приговорили послать его Трубецкому головою».

Итак, несмотря на то что Ирина заключилась в монастыре, дела производились по ее указу; по ее указу бояре сказывают патриарху о деле, патриарх с собором и боярами приговаривает и пишет об исполнении приговоров. И в деле царского избрания, следовательно, патриарху принадлежал первый голос, за ним оставалось самое сильное влияние, и патриарх старался закрепить за собою право на это влияние в сознании современников: «Благодатию св. духа, – писал он, – имеем мы власть, как апостольские ученики, сошедшись собором, поставлять своему отечеству пастыря и учителя и царя достойно, кого бог избрал».

Кого же должно было избрать в цари достойно, по мнению патриарха Иова? После он сам говорил: «Когда был я на коломенской епископии и на ростовской архиепископии, и на степени патриаршеской, не могу и пересказать превеликой к себе, смиренному, милости от Бориса Федоровича».

За Годунова был патриарх, всем ему обязанный, патриарх, стоявший во главе управления; за Годунова было долготное пользование царскою властью при Феодоре, достав-

лявшее ему обширные средства: везде – в Думе, в приказах, в областном управлении – были люди, всем ему обязанные, которые могли все потерять, если правитель не сделается царем; пользование царскою властью при Феодоре доставило Годунову и его родственникам огромные богатства, также могущественное средство приобретать доброжелателей; за Годунова было то, что сестра его, хотя заключившаяся в монастыре, признавалась царицею правительствующею и все делалось по ее указу: кто же мимо родного брата мог взять скипетр из рук ее? Наконец, для большинства, и большинства огромного, царствование Феодора было временем счастливым, временем отдохновения после бед царствования предшествовавшего, а всем было известно, что правил государством при Феодоре Годунов.

Многое было за Годунова, но есть известия, что сильны были и препятствия, сильны были враги. Патриарх Иов говорит: «В большую печаль впал я о преставлении сына моего, царя Феодора Ивановича; тут претерпел я всякое озлобление, клеветы, укоризны; много слез пролил я тогда». Кто же были эти люди, которые мешали патриарху в его стремлении доставить престол Годунову, осыпали его клеветами, укоризнами, заставляли проливать много слез? Летопись указывает на одних князей Шуйских; но, конечно, Шуйские по значению своему стояли только на первом плане: от одних Шуйских Иову не пришлось бы много плакать. Послушаем сначала, что говорят памятники официальные. Когда Ири-

на заключилась в монастыре, то дьяк Василий Щелкалов вышел к собравшемуся в Кремле народу и требовал присяги на имя Думы боярской, но получил в ответ: «Не знаем ни князей, ни бояр, знаем только царицу». Когда же дьяк объявил, что царица в монастыре, то раздались голоса: «Да здравствует Борис Федорович!» Патриарх с духовенством, боярами и гражданами московскими отправились в Новодевичий монастырь просить царицу благословить брата на престол, потому что при покойном царе «он же правил и все содержал милосердым своим премудрым правительством по вашему царскому приказу». Просили и самого Годунова принять царство. Борис отвечал: «Мне никогда и на ум не приходило о царстве; как мне помыслить на такую высоту, на престол такого великого государя, моего пресветлого царя? Теперь бы нам промышлять о том, как устроить праведную и беспорочную душу пресветлого государя моего, царя Феодора Ивановича, о государстве же и о земских всяких делах промышлять тебе, государю моему, отцу, святейшему Иову патриарху, и с тобою боярам. А если моя работа где пригодится, то я за святые божие церкви, за одну пядь Московского государства, за все православное христианство и за грудных младенцев рад кровь свою пролить и голову положить». После этого патриарх много раз наедине упрашивал Годунова, и, как видно, вследствие этих тайных совещаний, Иов отложил дело до тех пор, пока исполнится сорок дней по Феодоре и пока съедутся в Москву все духовные лица, которые на

великих соборах бывают, весь царский синклит всяких чинов, служивые и всякие люди. По иностранным известиям, Борис прямо требовал созвания государственных чинов, т. е. от каждого города по осьми и десяти человек, дабы весь народ решил единодушно, кого должно возвести на престол.

Итак, с достоверностию можно положить, что Годунов не хотел принять короны до приезда выборных из областей и всех лиц, которые на соборах бывают, советных людей, как тогда выражались, хотел быть избран земским собором. Понятно, что в этом только выборе всею землей он мог видеть полное ручательство за будущую крепость свою и потомства своего на престоле. Иностранцы и свои говорят о средствах, употребленных Борисом и сестрою его для привлечения народа на свою сторону: царица призывала к себе тайно сотников и пятидесятников стрелецких, деньгами и льстивыми обещаниями склоняла их убеждать войско и горожан, чтобы не выбирали на царство никого, кроме Бориса. Правитель приобретал приверженцев с помощью монахов, разосланных из всех монастырей в разные города, с помощью вдов и сирот, благодарных ему за решение своих продолжительных тяжб, с помощью людей знатных, которых он снабжал деньгами, обещая дать и больше, когда будет избран в государи. На соборе должны были участвовать 474 человека, из них: 99 духовных лиц, которые не могли противоречить патриарху, да и сами по себе были за Годунова; 272 человека бояр, окольных, придворных чинов, дворян, дьяков; у Го-

дунова была партия и между боярами тем легче было ему приобрести большинство между второстепенными лицами; выборных из городов было 33 человека только; затем было семь голов стрелецких, 22 гостя, 5 старост гостиных сотен и 16 сотников черных сотен. Все дело решалось, значит, духовенством и дворянством второстепенным, которые были давно за Годунова или смотрели на патриарха как на верховный авторитет; люди неслужилого сословия составляли ничтожное меньшинство; в выборе из городов видим также людей служилых.

17 февраля, в пятницу перед масленицей, открылся собор; патриарх начал речь, объявил, что по смерти Феодора предложено было царство Ирине; когда та не согласилась, просили ее благословить брата, просили и самого Годунова; когда и он не согласился, отложили дело на 40 дней, до приезда выборных: «Теперь, – продолжал Иов, – вы бы о том великом деле нам и всему освященному собору мысль свою объявили и совет дали: кому на великом преславном государстве государем быть?» И, не дожидаясь ответа, продолжал: «А у меня, Иова патриарха, у митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов и у всего освященного вселенского собора, у бояр, дворян, приказных и служилых, у всяких людей, у гостей и всех православных христиан, которые были на Москве, мысль и совет всех единодушно, что нам, мимо государя Бориса Федоровича, иного государя никого не искать и не хотеть». Тогда советные

люди громко и как бы одними устами сказали: «Наш совет и желание одинаково с твоими, отца нашего, всего освященного собора, бояр, дворян и всех православных христиан, что неотложно бить челом государю Борису Федоровичу и, кроме его, на государство никого не искать». После этого началось на соборе исчисление прав Бориса на престол: Царь Иван Васильевич женил сына своего, царевича Феодора, на Ирине Федоровне Годуновой, и взяли ее, государыню, в свои царские палаты семи лет, и воспитывалась она в царских палатах до брака; Борис Федорович также при светлых царских очах был безотступно еще с несовершеннолетнего возраста, и от премудрого царского разума царственным чинам и достоянию навыв. По смерти царевича Ивана Ивановича великий государь Борису Федоровичу говорил: божиими судьбами, а по моему греху, царевича не стало, и я в своей кручине не чаю себе долгого живота; так полагаю сына своего царевича Феодора и богом данную мне дочь царицу Ирину на бога, пречистую богородицу, великих чудотворцев и на тебя, Бориса; ты бы об их здоровье радел и ими промышлял; какова мне дочь царица Ирина, таков мне ты, Борис, в нашей милости ты все равно, как сын. На смертном одре царь Иван Васильевич, представляя в свидетельство духовника своего, архимандрита Феодосия, говорил Борису Федоровичу: тебе приказываю сына своего Феодора и дочь Ирину, соблюди их от всяких зол. Когда царь Феодор Иванович принял державу Российского царства, тогда Борис Федорович,

помня приказ царя Ивана Васильевича, государское здоровье хранил, как зеницу ока, о царе Феодоре и царице Ирине попечение великое имел, государство их отовсюду оберегал с великим радением и попечением многим, своим премудрым разумом и бодро-опасным содержательством учинил их царскому имени во всем великую честь и похвалу, а великим их государствам многое пространство и расширение, окрестных прегордых царей послушными сотворил, победил прегордого царя крымского и непослушника короля шведского под государеву высокую десницу привел, города, которые были за Шведским королевством, взял; к нему, царскому шурина, цесарь христианский, салтан турецкий, шах персидский и короли из многих государств послов своих присылали со многою честью; все Российское царство он в тишине устроил, воинский чин в призрении и во многой милости, в строении учинил, все православное христианство в покое и тишине, бедных вдов и сирот в крепком заступлении, всем повинным пощада и неоскудные реки милосердия изливались, святая наша вера сияет во вселенной выше всех, как под небесем пресветлое солнце, и славно было государево и государынино имя от моря и до моря, от рек и до конец вселенной. В субботу 18 числа и в воскресенье 19 в Успенском соборе торжественно служили молебны, чтобы господь бог даровал православному христианству по его прошению государя царя Бориса Федоровича. В понедельник на маслянице, 20 февраля, после молебна патриарх с духовен-

ством, боярами и всенародным множеством отправились в Новодевичий монастырь, где Борис жил вместе с сестрою; со слезами били челом, много молили и получили отказ; Годунов отвечал: «Как прежде я говорил, так и теперь говорю: не думайте, чтоб я помыслил на превысочайшую царскую степень такого великого и праведного царя». Православное христианство было в недоумении, в скорби mnogой, в плаче неутешном. Опять святейший патриарх созывает к себе всех православных христиан и советует устроить на другой день, во вторник, празднество пречистой богородице в Успенском соборе, также по всем церквам и монастырям, после чего с иконами и крестами идти в Новодевичий монастырь, пусть идут все с женами и грудными младенцами бить челом государыне Александре Федоровне и брату ее, Борису Федоровичу, чтоб показали милость. Тут же патриарх с духовенством приговорили тайно: если царица Александра Федоровна брата своего благословит и государь Борис Федорович будет царем, то простить его и разрешить в том, что он под клятвою и слезами говорило нежелании своем быть государем; если же опять царица и Борис Федорович откажут, то отлучить Бориса Федоровича от церкви и самим снять с себя святительские саны, сложить панагии, одеться в простые монашеские рясы и запретить службу по всем церквам.

21 февраля, во вторник, двинулся крестный ход в Новодевичий монастырь; к нему навстречу при звоне колоколов вынесли из монастыря икону смоленской богородицы, за ико-

ною вышел Годунов. Подошед к иконе владимирской богородицы, он громко возопил со слезами: «О милосердая царица! Зачем такой подвиг сотворила, чудотворный свой образ воздвигла с честными крестами и со множеством иных образов? Пречистая богородица, помолись о мне и помилуй меня!» Долго лежал он пред образом и омочал землю слезами, потом приложился к другим иконам, подошел к патриарху и сказал ему: «Святейший отец и государь мой Иов патриарх! Зачем ты чудотворные иконы и честные кресты воздвигнул и такой многотрудный подвиг сотворил?» Патриарх отвечал ему, обливаясь слезами: «Не я этот подвиг сотворил, то пречистая богородица с своим предвечным младенцем и великими чудотворцами возлюбила тебя, изволила прийти и святую волю сына своего на тебе исполнить. Устыдись пришествия ее, повинись воле божией и послушанием не наведи на себя праведного гнева господня». Годунов отвечал одними слезами. После этого Иов пошел в церковь, Годунов к сестре в келью, а бояре и весь народ вошли на монастырь, которые же не поместились на монастыре, те все стояли около ограды. После обедни патриарх со всем духовенством, в священных одеждах, с крестом и образами, пошли в келью к царице и били ей челом со слезами долго, стоя на коленях; с ними пошли бояре и все думные люди, а дворяне, приказные люди, гости и весь народ, стоя у кельи по всему монастырю и около монастыря, упали на землю и долго с плачем и рыданием вопили: «Благочестивая царица! Помилосердуй

о нас, пощади, благослови и дай нам на царство брата своего Бориса Федоровича!» Царица долго была в недоумении, наконец заплакала и сказала: «Ради бога, пречистой богородицы и великих чудотворцев, ради воздвигнутия чудотворных образов, ради вашего подвига, многого вопля, рыдательного гласа и неутешного стенания даю вам своего единокровного брата, да будет вам государем царем». Годунов с тяжелым вздохом и со слезами сказал: «Это ли угодно твоему чело-веколюбию, владыко! И тебе, моей великой государыне, что такое великое бремя на меня возложила и предаешь меня на такой превысочайший царский престол, о котором и на разуме у меня не было? Бог свидетель и ты, великая государыня, что в мыслях у меня того никогда не было, я всегда при тебе хочу быть и святое, пресветлое, равноангельское лицо твое видеть». Александра отвечала ему: «Против воли божией кто может стоять? И ты бы безо всякого прекословия, повинувшись воле божией, был всему православному христианству государем». Тогда Годунов сказал: «Буди святая твоя воля, господи». Патриарх и все присутствовавшие пали на землю, воссылая благодарение богу, после чего отправились в церковь, где Иов благословил Бориса на все великие государства Российского царствия.

Так говорится об избрании Годунова в акте официальном, в утвержденной грамоте об этом избрании, составленной уже в августе 1598 года. Но до нас дошли другие известия, другие предания, записанные в памятниках неофици-

альных. Так, дошло до нас известие о желании бояр, чтобы Годунов целовал крест на ограничивающей его власть грамоте; Борис не хотел этого сделать, не хотел и отказать прямо и потому выжидал, чтобы простой народ принудил бояр выбрать его без договора, — отсюда и происходил его отказ принять престол. Шуйские, видя его упрямство, начали говорить, что неприлично более его упрашивать, а надобно приступить к избранию другого. Тогда-то патриарх и решился идти с крестным ходом в Новодевичий монастырь. Есть также известие, что Годунов, желая заставить Романовых забыть права свои на престол, дал старшему из них, Федору Никитичу, страшную клятву, что будет держать его, как брата и помощника, в деле государственного управления. Наконец, о торжественном молении, плаче и вопле народном в Новодевичьем монастыре сохранилось такое предание: «Народ неволею был пригнан приставами, нехотящих идти велено было и бить и заповедь положена: если кто не придет, на том по два рубли править на день. Приставы понуждали людей, чтоб с великим кричанием вопили и слезы точили. Смеху достойно! Как слезам быть, когда сердце дерзновения не имеет? Вместо слез глаза слюнями мочили. Те, которые пошли просить царицу в келью, наказали приставам: когда царица подойдет к окну, то они дадут им знак, и чтобы в ту же минуту весь народ падал на колена; нехотящих били без милости».

26 февраля, в воскресенье на маслянице, Годунов имел

торжественный въезд в Москву, в Успенском соборе слушал молебен, после которого принимал поздравление от духовенства, бояр и всего православного христианства. Отслушав обедню в Успенском соборе, Борис пошел в Архангельский, где, припадая к гробу великих князей и царей, говорил со слезами: «Великие государи! Хотя телом от своих великих государств вы и отошли, но духом всегда пребываете неотступно и, предстоя пред богом, молитву творите; помолитесь и обо мне и помогите мне». Из Архангельского собора пошел в Благовещенский, отсюда – в царские палаты, из дворца поехал к сестре в Новодевичий монастырь; отсюда приехал опять в Кремль к патриарху, долго разговаривал с ним наедине, после чего простился с ним и с знатным духовенством на Великий пост и возвратился на житье в Новодевичий монастырь.

Неизвестно, в какое время присягали на верность новому царю, но известна любопытная подкрестная запись. Присягавший по ней, между прочим, клялся: «Мне над государем своим царем и над царицею и над их детьми, в еде, питье и платье, и ни в чем другом лиха никакого не учинить и не испортить, зелья лихого и коренья не давать и не велеть никому давать, и мне такого человека не слушать, зелья лихого и коренья у него не брать; людей своих с ведовством, со всяким лихим зельем и кореньем не посылать, ведунов и ведуней не добывать на государское лихо. Также государя царя, царицу и детей их на следу никаким ведовским мечтанием не испор-

тить, ведовством по ветру никакого лиха не насылать и следу не вынимать никаким образом, никакою хитростию. А как государь царь, царица или дети их куда поедут или пойдут, то мне следу волшебством не вынимать. Кто такое ведовское дело захочет мыслить или делать и я об этом узнаю, то мне про того человека сказать государю своему царю или его боярам, или ближним людям, не утаить мне про то никак, сказать вправду, без всякой хитрости; у кого узнаю или со стороны услышу, что кто-нибудь о таком злом деле думает, то мне этого человека поймать и привести к государю своему царю или к его боярам и ближним людям вправду, без всякой хитрости, не утаить мне этого никаким образом, никакою хитростию, а не смогу я этого человека поймать, то мне про него сказать государю царю или боярам и ближним людям». Нас здесь останавливает не вера в волшебство, которая господствовала в описываемое время; нас останавливает перечисление видов зла которое можно было сделать Борису и его семейству, повторение, распространение одного и того же, что должно приписать не времени уже только, а лицу, приписать мелкодушию Бориса, его подозрительности, ибо в подкрестных записях преемников его мы этого не видим.

Присягавший должен был клясться также: «Мне, мимо государя своего царя Бориса Федоровича, его царицы, их детей и тех детей, которых им вперед бог даст, царя Симеона Бекбулатова и его детей и никого другого на Московское государство не хотеть, не думать, не мыслить, не семьиться, не

дружиться, не ссылаться с царем Симеоном, ни грамотами, ни словом не приказывать на всякое лихо; а кто мне станет об этом говорить или кто с кем станет о том думать, чтоб царя Симеона или другого кого на Московское государство посадить, и я об этом узнают то мне такого человека схватить и привести к государю» и т. д.

9 марта, в четверг на второй неделе поста, патриарх созвал знатное духовенство, бояр, дворян и весь царский синклит и говорил им: «Уже время молить нам бога, чтоб благочестивого великого государя царя нашего Бориса Федоровича сподобил облечься в порфиру царскую, да установить бы нам светлое празднество преславному чуду богородицы в тот день, когда бог показал на нас неизреченное свое милосердие, даровал нам благочестивого государя Бориса Федоровича, учредить крестный ход в Новодевичий монастырь каждый год непременно». Все, слыша такой премудрый глагол святейшего Иова патриарха, отвечали со слезами, обещали молиться богу беспрестанно, день и ночь. Разосланы были по областям грамоты с приказанием петь молебны по три дня со звоном.

Проведши Великий пост и Пасху в монастыре с сестрою, Борис 30 апреля, в Мироносицкое воскресенье, торжественно переехал на житье во дворец кремлевский. Опять был он встречен крестным ходом, в Успенском соборе патриарх надел на него крест Петра митрополита; опять Борис обошел соборы, ведя за руки детей, сына Федора и дочь Ксению; был

большой обед для всех. Но царское венчание не могло скоро последовать: еще 1 апреля пришла весть, что крымский хан Казы-Гирей собирается на Москву со всею ордою и с полками турецкими. Весть пришла рано, и потому через месяц на берегах Оки могла собраться огромная рать: говорят, число ее простиралось до 500000 человек. 2 мая сам царь выехал из Москвы с двором своим, в числе которого находилось пять служилых царевичей. Борис остановился в Серпухове и отсюда распоряжался устройством рати. Но среди этих распоряжений новый царь занимался и тем, чтоб щедростию и угощениями привязать к себе служилых людей; пишут, что почти ежедневно бывали у него обеды на 70000 человек: «И подавал, – говорит летописец, – ратным людям и всяким в Серпухове жалованье и милость великую». Цель, по-видимому была достигнута: «Они все, видя от него милость, обрадовались, чаяли и вперед себе от него такого же жалованья». Итак, вот на чем основался союз Годунова с служилыми людьми: они чаяли вперед себе от него большого жалованья!

Слух о походе ханском оказался ложным: вместо грозной рати явились мирные послы. Годунов воспользовался случаем, чтобы произвести на татар самое сильное впечатление: послов поставили верстах в семи от стана царского, расположенного на лугах на берегу Оки, ночью велено было ратным людям стрелять по всем станам. 29 июня послы представлялись Борису; когда они ехали к нему, то на протяжении семи

верст от их стана до царского по обе стороны дороги стояли пешие ратники с пищалями и разъезжали повсюду конные. Послы, видя огромное войско и беспрестанную стрельбу, так перепугались, что, пришедши к царю, едва могли справиться посольство от страха. Царь пожаловал их великим жалованьем, отпустил с большою честью и послал с ними богатые дары к хану. В тот же день царь угостил все войско и отправился в Москву.

Сюда он въехал с большим торжеством, как будто одержал знаменитую победу или завоевал целое царство иноплемненное: патриарх с духовенством и множеством народа вышли к нему навстречу; Иов благодарил за совершение великого подвига, за освобождение христиан от кровопролития и плена: «Радуйся и веселися, – говорил он Борису, – богом избранный и богом возлюбленный, и богом почтенный, благочестивый и христолюбивый, пастырь добрый, приводящий стадо свое именованное к начальнику Христу богу нашему!» По окончании речи патриарх, духовенство и весь народ пали на землю, плакали и потом, встав, приветствовали Бориса «на его государеве вотчине и на царском престоле и на всех государствах Российской земли».

Столько слез было пролито при челобитьях и встречах! Кажется, можно было бы увериться в преданности народа к доброму пастырю, но, видно, царь и патриарх были еще далеки от этой уверенности. 1 августа Иов созвал всех бояр, дворян, приказных, служилых людей и гостей и начал им го-

ворить: «Мы били челом соборно и молили со слезами много дней государыню царицу Александру Федоровну и государя царя Бориса Федоровича, который нас пожаловал, сел на государстве, так я вас, бояр и весь царский синклит, дворян, приказных людей и гостей, и все христолюбивое воинство благословляю на то, что вам великому государю Борису Федоровичу, его благоверной царице и благородным чадам служить верою и правдою, зла на них не думать и не изменять ни в чем, как вы им государям души свои дали у чудотворного образа богородицы и у целбоносных гробов великих чудотворцев». Бояре и все православные христиане отвечали: «Мы целовали крест

Годунов был избран голосом всей земли; народ, стоя на коленах, с воплем и слезами умолял его умилосердиться, принять престол; какого права нужно было после того человеку, хотя бы он был самого низкого происхождения? Какого соперника мог бояться он, хотя бы этот соперник и был самого знатного происхождения? Не было ли признаком крайнего мелкодушия тяготиться своим относительно незнатным происхождением, подозревать, что для других это происхождение уменьшает право, значение всенародного избранника? Не было ли признаком крайнего мелкодушия не уметь скрыть этого подозрения, обнаружить свою слабость, напомнить народу о том, о чем, вероятно, большая часть его не думала или забыла? Издано было соборное определение об избрании Годунова в цари. В нем прежде всего прямо объяв-

лено, что царь Иван Васильевич, умирая, вручил сына своего Феодора боярину Борису Федоровичу с такими словами: „Тебе предаю с богом этого сына моего, будь благоприятен ему до скончания живота его, а по его смерти тебе приказываю и царство это“. И царь Феодор по приказу отца своего и по приятельству вручил царство Борису Федоровичу. Далее патриарх счел нужным примерами из священной и римской истории показать, что восходили на царский престол люди не от царского рода и не от великих синклит и, несмотря на то, большой славы достигали, ибо не на благородство зрит бог, но благоверие предъизбирает и душу благочестивую почитает. Наконец, в заключении говорится говорится: „Да не скажет кто-нибудь: отлучимся от них, потому что царя сами себе поставили; да не будет того, да не отлучаются, а если кто скажет такое слово, то не разумен есть и проклят“. Странное предположение возможности подобного слова после стольких всенародных слез и воплей!

1 сентября, в праздник Нового года, Борис венчался на царство. В речи своей, произнесенной при этом случае патриарху, Борис сказал, что покойный царь Феодор приказал патриарху, духовенству, боярам и всему народу избрать кого бог благословит на царство, что и царица Ирина приказала то же самое, „и по божиим неизреченным судьбам и по великой его милости избрал ты, св. патриарх, и проч. меня, Бориса“. Эти слова вполне подтверждают известие летописи, что никаких назначений со стороны Феодора не было и что он не

вручал царства жене. Но патриарх и тут явился усерднее к выгодам Годунова, чем сам Годунов: в ответной речи своей царю он сказал, что Феодор приказал свое царство Ирине; здесь, впрочем, Иов еще сдержался, употребил еще не столько определенное слово приказал, тогда как в житии Феодора употребил слово вручил, а в соборном определении сказано, что вручил царство прямо Борису!

Современники не оставили нам известий, что заметили разноречие в словах царя, патриарха и соборного определения; их поразило другое во время царского венчания Борисова; новый царь, принимая благословение от патриарха, громко сказал ему: „Отче великий патриарх Иов! Бог свидетель, что не будет в моем царстве бедного человека!“ – и, тряся ворот рубашки своей, продолжал: „И эту последнюю рубашку разделю со всеми!“

Первые шаги Бориса, сделанные при новом положении, первые слова, им сказанные, уже достаточно обнаруживали характер человека, севшего на престол государей московских. Этот престол для знаменитого конюшего боярина был самою лучшею меркой нравственного величия, и тотчас же обнаружилось, что он не дорос до этой мерки. Что Годунов искал престола, употреблял все зависевшие от него средства для достижения своей цели – это понятно: он искал престола не по одному только властолюбию, он искал его и по инстинкту самосохранения. Но если бы Годунов по своему нравственному характеру был в уровень тому поло-

жению, которого добивался, то он не обнаружил бы такой мелочной подозрительности, какую видим в присяжной записи и в этом стремлении связать своих недоброжелателей нравственными принудительными мерами; с одной стороны, видим в актах, относящихся к избранию Годунова, страшное злоупотребление в известиях о всеобщей преданности, всеобщих воплях и слезах при челобитье, всеобщем восторге при согласии принять царство и тут же встречаем, в совершенном противоречии, сильную подозрительность со стороны человека, которому оказывается столько усердия. Одно из двух: или эта подозрительность, оскорбительная для усердствующих, обличала человека, недостойного такого усердия, или если подозрительность была основательна, то беспрерывно повторяемые известия о всеобщем усердии заключали в себе вопиющую ложь, средство страшное и недостойное. Мелкая подозрительность, неуверенность в самом себе высказалась и в этом страхе пред низостью происхождения, страхе, недостойном человека, избранного всею землей, которая самым этим избранием подняла его выше всех. Мелкодушие Годунова, непонимание своего положения высказалось и в этом явном стремлении задаривать, заискивать себе расположение народное расточением милостей, небывалых при прежних государях, например, в этих пиршествах и подарках ратным людям, которые не видали неприятеля; Годунов не понимал, что только тот может приобрести прочное народное расположение, кто не ищет его или по край-

ней мере не показывает ни малейшего вида, что ищет, не понимал, что расточение милостей только уменьшает их цену, что милость, дарованная государем, по наследству престол получившим, имеет только значение милости, тогда как милость от царя избранного является в виде платы за избрание. Наконец, недостаток нравственного величия, умения владеть собою, не забываться при достижении желанной цели, всего разительнее оказался в словах Годунова, произнесенных при царском венчании: „Бог свидетель, что не будет в моем царстве бедного человека!“ Как можно было обрадоваться до такой степени, забыться от радости до такой степени, чтобы торжественно связать себя подобным обещанием!

Годунов принадлежал к новому, второму поколению бояр московских. Представителями старого поколения были Патрикеевы и старые Шуйские с товарищами, помнившие хорошо свое происхождение, прежнее положение свое относительно великих князей и старавшиеся поддержать его. Это поколение было сломлено усилиями Иоанна III, сына его Василия и внука Иоанна IV. Годунов воспитался, достиг боярства во вторую половину царствования Грозного, в то время, когда боярин не мог безнаказанно обнаружить самостоятельность своего характера, когда он должен был сохранить свою жизнь, свое приближенное к царю положение только при ясном сознании своей слабости, своей полной зависимости, беспомощности, только заботливо наблюдая за каждым движением наверху и около себя, с напряженным внимани-

ем озираясь на все стороны. Понятно, какое влияние должно было иметь такое положение на человека, особенно если природа этого человека не представляла сильного противодействия подобному влиянию, понятно, как подозрительность Грозного должна была заражать окружающих его, особенно тех, которые по слабости своей природы были восприимчивы к этой болезни. В числе таких, как видно, был и Годунов, человек очень умный бесспорно, быть может, более всех других вельмож способный к правительственному делу, быть может, яснее других понимавший потребности государства, главную из них – потребность просвещения, сближения с народами Западной Европы; человек благонамеренный, готовый сделать все возможное добро там, где дело не шло о его личных выгодах, но человек, не имевший столько нравственной твердости, нравственного величия, чтоб освободиться из-под влияния школы, в которой воспитался, чтоб, приближаясь к престолу, и на престоле, сбросить с себя боярство времен Грозного и явиться с царственным величием, тем более необходимым, что он был царь избранный, начинавший новую династию. Годунов, который, будучи боярином, казался достойным царствовать, явился на престоле боярином, и боярином времен Грозного, неуверенным в самом себе, подозрительным, пугливым, неспособным к действиям прямым, открытым, привыкшим к мелкой игре в крамолы и доносы, не умевшим владеть собою, ненаходчивым в случаях важных, решительных.

Царское венчание, по обычаю, ознаменовано было милостями, пожалованиями: звание конюшего получил Дмитрий Иванович Годунов, дворецкого – Степан Васильевич (на место Григория Васильевича, незадолго пред тем умершего); некоторым лицам пожаловано было боярство, другим – окольничество; служилым людям выдано двойное жалованье, купцам дано право беспошлинной торговли на два года, земледельцы освобождены от податей на год; есть известие, что определено было, сколько крестьяне должны были работать на господ и платить им; вдовам и сиротам, русским и чужеземным, розданы деньги и съестные припасы; заключенные в темницах освобождены и получили вспоможение. Новгородцы получили особые льготы: были у них два кабака, от которых им нужда, теснота, убытки и оскуденье учились; поэтому царь, царица и царские дети пожаловали гостей и всех посадских людей, царские денежные доходы с кабаков отставили и кабакам на посаде быть не велели. Кроме того, пожаловали гостей и всех посадских людей: с их дворов, лавок, прилавков, скамей, анбаров лавочные денежные оброки сложили и мелкие промыслы, для младших посадских людей, никому на откуп давать и оброка с них брать не велели, свою отчину великое государство Великий Новгород во всем отарханили. Иногородцы освобождены были также на целый год от ясака, „чтоб они детей своих и братью, дядей, племянников и друзей отовсюду призывали и сказывали им царское жалованье, что мы их пожаловали, ясаку с них брать

не велели, а велели им жить безоброчно и в городах бы юрты и в уездах волости они полнили“.

Облегчена была участь некоторых опальных Феодорова царствования: так, был выпущен из тюрьмы Иван Григорьевич Нагой, который рассказывает о своей беде и о своем избавлении в следующей любопытной грамоте: „Я, Иван Григорьевич Нагой, пожаловал, дал человеку своему Богдану Сидорову старинную свою вотчину за его к себе прямую службу и за терпение, что он со мною живот свой мучил на государевой службе в Сибири, да его же, Богдана, за мой грех государь царь Феодор Иванович велел у меня взять из Сибири и привезти в Москву скованного, мучил он живот свой, сидя у приставов в цепи и железах год. Когда государь надо мной смиловался и велел его отпустить, то он, Богдан, бил челом обо мне государю царю Феодору Ивановичу, и по его челобитью государь надо мной смилосердовался, велел из Сибири отпустить в Казань. Но в Казани грех мой надо мною взыскался: пришла на меня царская опала, прислал государь князя Якова Борятинского в Казань и велел ему меня ограбить донага, отвезти на Вологду и посадить в тюрьму. Тогда Богдан в другой раз поехал в Москву, был там схвачен и сидел полгода у пристава. Государь царь Борис Федорович пожаловал, от пристава велел его освободить, и он, Богдан, обо мне бил челом, о моей жене и о детках. По его челобитью государь меня пожаловал, из тюрьмы велел выпустить и велел мне жить в тверской моей вотчине. И мне его, Бог-

дана, за такую великую себе работу и за терпение пожаловать нечем: что было моих животов, то все взято на государя. Так жалуя ему старую свою вотчинку: владеть ему этим моим жалованьем и, если захочет, может его продать, заложить или по душе отдать. А после моей смерти ему, Богдану, за то мое жалованье жену мою и детей не покинуть и их устроить по моей духовной грамоте, чем я их благословлю; и детей моих, Никифора и Гаврилу, ему, Богдану, грамоте научить и беречь и покоить всем, пока бог их на ноги поднимет“.

Царствование Бориса относительно западных, самых опасных соседей, Польши и Швеции, началось при самых благоприятных обстоятельствах: эти державы, так недавно грозившие Москве страшным союзом своим под одним королем, теперь находились в открытой и ожесточенной вражде вследствие этого самого союза; Сигизмунд польский воевал с дядею своим, Карлом шведским, в котором видел похитителя своего отчинного престола. Годунов дал знать Сигизмунду о своем воцарении через думного дворянина Татищева; в Польше решили отправить в Москву для переговоров уже бывалого там и славного своею ловкостью в делах канцлера литовского Льва Сапегу, к которому приданы были Станислав Варшицкий, каштелян варшавский, и Илья Пелгржимовский, писарь Великого княжества Литовского. 16 октября 1600 года въехал Сапега в Москву с обычным торжеством, и на другой же день начались неприятности, жалобы; посольство, по обычаю, держали в строгом заключе-

нии, но что всего неприятнее было для Сапеги, представление царю откладывали день за день, объявляя, что у государя болит большой палец на ноге. 16 ноября подле посольского дома был пожар, сгорело несколько домов; Сапега жаловался приставу, что их держат в тесноте» во всех углах наложена солома, боже сохрани пожар: не только вещей не спасешь, но и сам не убежишь. «Если нас еще будут держать в такой тесноте, – прибавил Сапега, – то нам надобно иначе распорядиться и промыслить о себе». Последнее слово не понравилось приставу, и он сказал, что это слово высокое и к доброму делу непристойно. 26 ноября наконец послов представили государю: подле Бориса сидел сын его, царевич Федор, имя которого было неразлучно с именем отца: так, например, послам говорили: «Великий государь, царь и великий князь Борис Федорович всея Руси самодержец и сын его царевич Федор Борисович жалуют вас своим обедом». И тут высказалось недоверие Бориса к присяге русских людей, которые клялись служить ему и детям его и мимо их никого не хотеть на царство. Подобное допущение сына в соправительство для упрочения за ним великокняжеского стола было очень благоразумно со стороны Василия Темного, испытавшего следствия борьбы с притязаниями родичей, но такая же мера со стороны Бориса не имела никакого смысла.

И после представления медлили начатием переговоров, выставляя причинами то нездоровье царя, то, что день праздничный. 3 декабря послы явились во дворец и на цар-

ском месте нашли не Бориса, но сына его, окруженного боярами и людьми думными. Федор объявил послам, что отец его приказал своим боярам вести с ними переговоры. «Мы этому рады, – отвечал Сапега, – мы для этого и приехали, а не для того, чтоб лежать и ничего не делать». Первое заседание прошло в спорах о титуле царя и самодержца, которого бояре требовали для Бориса и в случае упорства со стороны поляков грозили войною; Сапега отвечал: «Войну вы начать можете; но конец войны в руках божиих». На другой день, во втором заседании, Сапега представил условия вечного мира, состоявшие из следующих статей: 1) Обоим великим государям быть между собою в любви и вечной приязни, также панам радным и всем станам духовным и светским Короны Польской и Великого княжества Литовского с боярами думными и со всеми чинами великого государства Владимирского и Московского и иных быть в вечной, нераздельной любви братской, как людям одной веры христианской, одного языка и народа славянского. 2) Обоим великим государям иметь одних врагов и друзей. 3) Никаких соглашений, перемирий и союзов великие государи ко вреду друг друга заключать не будут; во все соглашения, перемирия и союзы будут входить не иначе, как наперед посоветовавшись друг с другом. 4) В случае нападения на одного из государей другой обязан защищать его. 5) Земли, добытые у врага общими силами, отходят к тому государству, которое имело на них давние права. 6) Землями, никогда прежде не принадлежав-

шими ни одному из союзных государств, владеть или сообщать, или разделив пополам. 7) Подданным обоих государств вольно приезжать, вступать в службу придворную, военную и земскую: полякам и литовцам – в Москве, русским – в Польше и Литве. 8) Вольно им вступать друг с другом в браки. 9) Поляки и литовцы в Московском государстве, русские в Польше и Литве могут выслуживать вотчины, поместья, покупать земли, брать в приданое. 10) Жителям польских владений вольно присылать детей своих учиться и в службу в Московское государство и жителям последнего – во владения польские. 11) Тем русским, которые приедут в Польшу и Литву для науки или для службы, вольно держать веру русскую; а которые из них поселятся там, приобретут земли, таким вольно на своих землях строить церкви русские. Тем же правом пользуются поляки и литовцы в Московском государстве, держат веру римскую и ставят римские церкви на своих землях. 12) Государь и великий князь Борис Федорович позволит в Москве и по другим местам строить римские церкви для тех поляков, которые у него будут в службе, для купцов и послов польских и других католических государств. 13) Купцам путь чистый по землям обоих государств и чрез них в другие государства; мыто остается старое. 14) Беглецов, воров, разбойников, зажигателей и всяких преступников выдавать с обеих сторон. 15) Заодно оборонять Украину от татар. 16) Оба государства должны иметь общий флот на море Литовском и на море Великом. 17) Монета

должна быть одинаковая в обоих государствах. 18) Для крепчайшего соединения этих славных государств и для объявления его пред целым светом должны быть сделаны двойные короны: одна послом московским возлагается при коронации на короля польского, а другая послом польским возлагается на государя московского. 19) Король в Польше избирается по совету с государем московским. 20) Если бы король Сигизмунд не оставил сына, то Польша и Литва имеют право выбрать в короли государя московского, который, утвердив права и вольности их, должен жить поочередно два года в Польше и Литве и год в Москве. 21) По смерти государя московского сын его при вступлении на престол подтверждает присягою этот союз. 22) Если бы у государя московского не осталось сына, то король Сигизмунд должен быть государем московским. 23) Княжество Смоленское и Северское с тремя крепостями, принадлежавшими к Полоцку, должны быть возвращены Польше.

Итак, вместо условий вечного мира посол Сигизмундов предложил условия союза, и союза, приближавшегося к соединению двух государств в одно. Цель Сигизмунда и советников его, иезуитов, при этом была ясна: если бы царь московский принял условия, то этим отворил бы в свое государство дорогу для католицизма. Бояре отвечали послам, что статьи о союзе оборонительном и наступательном, о выдаче перебежчиков, о свободной торговле могут быть приняты по заключении вечного мира, для которого прежде всего надоб-

но решить вопрос о Ливонии, искони вечной вотчине государей российских, начиная от великого князя Ярослава. Что же касается до других статей, поданных Сапегою, то государь не может согласиться, чтоб поляки и литовцы женились в Московском государстве, приобретали земли и строили церкви латинские, но не запрещает им приезжать, жить и оставаться при своей вере; о том, кому после кого наследовать престол, говорить нечего, потому что это дело в руках божиих; при царском венчании возлагать корону принадлежит духовенству, а не светским людям. Начались жаркие споры о главном предмете, о Ливонии. До чего доходили бранные речи, видно из следующего разговора Сапеги с думным дворянином Татищевым. Татищев: «Ты, Лев, еще очень молод; ты говоришь все неправду, ты лжешь». Сапега: «Ты сам лжешь, холоп, а я все время говорил правду; не с знаменитыми бы послами тебе говорить, а с кучерами в конюшне, да и те говорят приличнее, чем ты». Татищев: «Что ты тут раскричался! Я всем вам сказал и говорю, и еще раз скажу и докажу, что ты говоришь неправду». Тут Сапега обратился к боярам с жалобою на Татищева, и те велели последнему замолчать. Но когда Сапега, чтоб уклониться от споров о Ливонии, сказал, что не имеет никакого полномочия говорить о ней, то Татищев не утерпел и снова закричал: «Не лги, мы знаем, что у тебя есть полномочие». Сапега отвечал: «Ты, лжец, привык лгать, я не хочу с таким грубияном ни сидеть вместе, ни рассуждать об делах». С этими словами он встал и вышел. По-

слов польских задерживали нарочно, ибо ждали шведских. Наконец шведские послы, Гендрихсон и Клаусон, приехали, и их нарочно провезли мимо дома, который занимал Сапега с товарищами. Польским послам бояре объявляли, что Карл шведский уступает царю Эстонию и сам поддается Москве, а шведским послам было объявлено, что Сигизмунд уступает царю часть Ливонии, если только Борис будет воевать с королем; этим объявлением думали испугать шведов и принудить их к уступке Нарвы; но шведы не поддались и настаивали, чтоб последний договор был сохранен ненарушимо. Вследствие этих переговоров Сапегу держали до августа 1601 года и наконец заключили с ним двадцатилетнее перемирие, причем в грамоте не написали Сигизмунда шведским королем. Сапега уехал озлобленный, вменяя себе, впрочем, в важную заслугу то, что успел порвать связь Годунова с Михаилом, воеводою волошским, который домогался польского престола и заключил было тайный союз с царем, обещавшим помогать ему в его предприятии.

Взять с короля присягу в соблюдении перемирия отправились бояре Михаила Глебович Салтыков-Морозов и думный дьяк Власьев. Когда они приехали в Литву, то им объявили, что король при войске в Ливонии и чтоб они ехали к нему в Ригу; на это Салтыков отвечал приставу: «Ты нам сказываешь от себя, что нас хотят везти к Жигимонту королю в Ливонскую землю Двиною рекою в судах, но мы того и слушать не хотим: великий государь наш прислал нас

к государю вашему с великими делами, а на посольстве велел нам быть у государя вашего в Короне Польской или в Великом княжестве Литовском, в котором городе государь ваш в то время будет; а в Ливонскую землю нам не хаживать, того себе и в мысли не держите, хотя бы король над нами и неволю какую велел учинить, то и тут нам мимо царского приказа ничего сделать нельзя». Паны прислали к послам грамоту с сожалением, что они так долго принуждены будут ждать, причем складывали вину на самих послов, зачем они поторопились приехать, желая поскорее взять с короля крестное целование, и при этом паны употребили выражение, что будут бить челом королю о послах. Салтыков отвечал: «Таких бы непригожих и гордых слов паны-рада вперед к нам не приказывали, тем доброму делу порухи не чинили: идем мы от великого государя к государю вашему по прежнему обычаю, а не для того, чтоб нам перемирье у государя вашего крестным целованием утвердить. Великому государю нашему то перемирье не нужно, и спешить нам было нечего; нынешнее перемирье Короне Польской и Великому княжеству Литовскому больше нашего надобно, потому что у вас многие недруги и войны частые, да у вас же божие посещение, хлебный недород, а у великого государя нашего божиею милостию и его государским счастьем недруга никакого нет, отовсюду его царским премудрым разумом и бодропасным содержательством и храбростию великим государствам его прибавление и расширение; а нынешнее перемирие ве-

ликий государь наш велел учинить по своему царскому обычаю, жалея о христианстве и за челобитьем сына своего царевича Федора Борисовича, по прошенью ваших послов. Если государю вашему нас принять теперь не время будет для воинского дела, то государь ваш велел бы нам себя ждать в Литовской или в Польской земле и корм нам велел бы давать по прежнему обычаю, и мы государя вашего дожидаемся, где нам велит, хотя долгое время».

Наконец Сигизмунд приехал в Вильну, где московские послы представились ему и начали переговоры. Послы требовали, по обычаю, царского титула для Бориса. Сапега отвечал жалобой: «Как приехал я в Москву, и мы государских очей не видали шесть недель, а как были на посольстве, то мы после того не видали государских очей 18 недель, потом от думных бояр слышали мы много слов гордых, все вытягивали они у нас царский титул. Я им говорил так же, как и теперь говорю, что нам от государя нашего наказа о царском титуле на перемирье нет, а на dokonчанье наказ королевский был о царском титуле, если бы государь ваш по тем по всем статьям, которые мы дали боярам, согласился. Били мы челом государскому сыну, просили его доложить отцу, чтоб нас задерживать не велел, велел бы отпустить и без дела; но нашего челобитья не приняли и к тому нас привели, что мы просили себе смерти: ни дела не делают, ни отпускают. Да и то нам вашего государя люди сказывали, что хотят нас разослать по городам и засадить, что и дворы уже поде-

лали, где нам сидеть, и мы с сердца приставам говорили: если государь ваш не велит нас отпустить, то мы на коней сядем и поедем сами, а кто нас станет бить, и мы начнем бить, потому что пришло нам не до государской чести, нам жизнь своя всего дороже, в неволе жить не привыкли. И, видя над собою такую тесноту, мы приговорили на перемирье поневоле. А что государя нашего не назвали в грамоте шведским королем, то мы с боярами много говорили и плакали: боже святой! Увидь неправду государя вашего над государем нашим, что без божией воли отнимают титул дедовский; и на то нас неволею привели, что и титул государя своего мы из грамоты вычеркнули».

Послы отвечали, что Сапега говорит это все на ссору, что задержанья и тесноты ему не было, а задержались послы на Москве оттого, что великий государь ножкою долгое время недомогал, выходу его государского не было. Паны настаивали, чтоб Сигизмунд назывался в грамотах по-прежнему королем шведским, ибо Карл есть похититель; послы отвечали: «Вы говорите, что государь ваш короновался шведскою короною, но великому государю нашему про шведское коронованье государя вашего никакого ведома не бывало, с царским величеством Сигизмунд король не обсыльвался; только про то нам ведомо, что государь ваш Жигимонт король ходил в Швецию и над ним в Шведской земле невзгода приключилась. Если бы государь ваш короновался шведскою короною, то он прислал бы объявить об этом царскому величеству и

сам был бы на Шведском королевстве, а не Арцы-Карло (герцог Карл); теперь на Шведском королевстве Арцы-Карлус, и Жигимонту королю до Шведского королевства дела нет, и вам о шведском титуле праздных слов говорить и писать нечего, нечего о том говорить, чего за собою нет. А что ты, Лев, говорил, будто вы, послы, в государстве государя нашего были заперты за сторожами и никуда вас не пускали, и ты говоришь не гораздо: береженье было на дворе от огня, потому что у вас на дворе конского корму, сена и соломы было много, люди ваши хаживали ночью с огнем небережно, и за двором сторожа были не для бесчестья, для береженья, чтоб над вами какого-нибудь лиха не сделалось».

Если послы не хотели давать Сигизмунду титула шведского короля, то паны никак не согласились называть Бориса царем и самодержцем; они говорили: «Государь наш король и мы, паны-рада, от этого не отказываемся, и пригоже государю вашему титул царский писать, только это будет вперед, как между государей искренняя сердечная любовь и вечное доканчание совершится. Прежде надобно сделать вечное соединенье, чтоб один другого не берегся а не так, как нынешнее перемирье на время: скоро минется, и после того кто ведает, какой государь на котором государстве будет? И теперь на перемирье как царский титул писать?»

Не согласившись насчет титулов, положили подтвердить двадцатилетнее перемирие, как оно было заключено Сапегою в Москве. Но пред целованием креста Сигизмунд ска-

зал: «Целую крест, что мне тот мир держать во всем по тому, как в перемирной грамоте написано; а в том перед св. крестом обещаюсь, что мне своего дедовского титула шведского короля не отступаться, также и в Ливонской земле городов Нарвы и Ревеля и других, которые теперь за Швециею, в эти перемирные лета достигать, за кем бы они ни были, и никому их не уступать. А Велижской волости быть по-прежнему к Короне Польской и Великому княжеству Литовскому». Салтыков, услышав это, сказал: «Целуй государь Жигимонт король крест к великому государю нашему на всем на том, что в перемирных грамотах написано». Паны-рада сказали на это: «Целует наш государь крест на всем на том, что в перемирных грамотах написано»; сам король подтвердил то же самое.

Какую же пользу извлек для себя Годунов из благоприятных обстоятельств на Западе, из борьбы между Польшею и Швециею, – перемирие, удовольствие отнять у Сигизмунда титул короля шведского? Но не одной этой отрицательной пользы хотел Годунов: ему хотелось Ливонии. Приобрести эту желанную страну или часть ее было теперь легко, но для этого было средство одно, средство прямое, решительное: заключить тесный союз с Карлом шведским против Польши. Но Годунов по характеру своему именно не был способен к средствам решительным, прямым, открытым. Он думал, что Швеция уступит ему Нарву, а Польша – Ливонию или часть ее, если только он будет грозить Швеции союзом с Польшею,

а Польше – союзом с Швециею, раздражать и ту и другую, обнаруживая политику мелочную, двоедушную! Он боялся войны: сам не имел ни духа ратного, ни способностей воинских, воеводам не доверял, страшился неудачею затмить свое прежнее, счастливое в глазах народа правление, и вот он хочет, чтоб Ливония сама поддалась ему, старается поддержать неудовольствие ее жителей против польского правительства, возбудить сильнейшее, осыпает милостями пленных ливонцев, приказывает внушать рижанам: «Слух дошел до великого государя, что им, рижанам, от польских и литовских людей во всем теснота, хотят их отвести от веры и привести в папешскую и в езовитскую веру, права, обряды и вольности их порушить и так сделать, чтоб их, немцев, всех не найти и с фонарем в Ливонской земле. Великого государя это очень опечалило; он жалованье и милосердие показал ко многим ливонским немцам: такого милосердия им ни от которого государя не бывало и не будет; такого государя благочестивого, храброго и разумного от начала Русской земли не бывало». Наследовав мысль Грозного о необходимости Ливонии, Годунов подражал ему и относительно средства приобрести расположение жителей: как Грозный хотел сделать из Ливонии вассальное королевство и назначал из своей руки королем датского принца Магнуса, так Годунов для той же цели еще при царе Феодоре завел сношение с шведским принцем Густавом, сыном Эрика XIV, изгнанным из Швеции и жившим в Италии; в царствование Бориса Густав при-

ехал в Москву, и царь начал страшать им двоюродного брата его, Сигизмунда польского; Льва Сапегу во время торжественного въезда посольского нарочно провезли мимо дома, занимаемого Густавом, чтоб послы могли видеть этого соперника Сигизмундова. Но понятно, что все эти средства, не подкрепляемые действиями прямыми и решительными, не вели ни к чему. Несколько горожан нарвских составили заговор сдать город русским; но заговор был открыт и заговорщики казнены.

Годунов вызвал Густава не для того только, чтоб сделать его вассальным королем Ливонии; он хотел выдать за него дочь свою Ксению, но Густав не захотел отказаться от протестантизма и любовницы; за это у него отняли Калугу с тремя другими городами, назначенными ему сперва в удел, и вместо них дали Углич.

Нужно было искать другого жениха Ксении между иностранными принцами, и жениха нашли в Дании: принц Иоанн, брат короля Христиана, согласился ехать в Москву, чтоб быть зятем царским и князем удельным. В августе 1602 года Иоанн приехал в Россию и в устье Наровы был встречен боярином Михаилом Глебовичем Салтыковым и дьяком Власьевым. В Иван-городе датские послы, сопровождавшие принца, говорили Салтыкову: «Когда королевич поедет из Иван-города, будет в Новгороде и других городах и станут королевича встречать в дороге боярские дети и княжата, то королевичу какую им честь оказывать?» Салтыков отвечал:

«В том королевичева воля; он великого государя сын, как кого захочет пожаловать по своему государскому чину». Салтыков писал царю: «Когда мы приходим к королевичу челом ударить, то он, государь, нас жалует не по нашей мере; против нас встает и здоровается (витается), шляпу сняв; мы, холопы ваши государские, того недостойны и потому говорили послам датским, чтоб королевич обращался с нами по вашему царскому чину и достоинству. Послы нам отвечали: королевич еще молод, а они московских обычаев не знают; как даст бог королевич будет на Москве, то, узнав московские обычаи, станет по ним поступать. Салтыков описывал царю подробно, в чем был одет принц каждый день: *Платьище* на нем было атлас ал, делано с канителью по-немецки; *шляпка* пуховая, на ней *кружевца*, делано золото да серебро с канителью; *чулочки* шелк ал; башмачки сафьян синь». В Новгороде королевич ездил тешиться рекою Волховом вверх и иными речками до Юрьева монастыря, а едучи, тешился, стрелял из самопалов, бил утят; натешившись приехал в город поздно и стал очень весел. За столом у королевича играли по *музыке*, в цымбалы и по литаврам били, играли в сурны. Салтыков писал царю: «Датские послы говорят королевичу, чтоб он русские обычаи перенимал не вдруг. Послы и ближние люди королевича на то наговаривали, чтоб он вашего царского жалованья, платица что-нибудь к брату своему послал, и королевич говорил, что ваше царское жалованье, платице к нему первое, что он принял его с покорно-

стью, с радостным сердцем, и послать ему вашего царского жалованья первого не годится».

Иоанн был принят в Москве с большим торжеством, очень ласково от будущего тестя и сына его; царицы и царевны, разумеется, он не видал. Царь поехал в половине октября к Троице и на возвратном пути узнал о болезни Иоанна: у принца сделалась горячка, от которой он 28 октября умер на двадцатом году жизни. Борис сильно горевал, Ксения была в отчаянии, а в народе шел слух, что принцу приключилась смерть с умыслу царского, что Борис, видя, как все полюбили Иоанна, боялся, чтоб после не возвели его на престол мимо сына его Федора. В 1604 году начались было переговоры о браке Ксении с одним из герцогов шлезвигских, но прерваны были несчастиями Борисова семейства. Годунов искал жениха для дочери и невесты для сына между владельцами грузинскими; о том же предмете велись переговоры с Австриею и Англиею.

Сношения с Австрийским домом продолжали носить прежний характер. В июне 1599 году Борис отправил к императору Рудольфу посланника, думного дьяка Афанасия Власьева, который ехал морем из Архангельска, норвежским и датским берегом, а потом Эльбою. На дороге гамбургское правительство встретило Власьева с честью, и он прославлял пред ним могущество и добродетели своего царя, рассказывал, как Борис при восшествии на престол велел дать служивым людям на один год вдруг три жалованья: одно – для па-

мяти покойного царя Феодора, другое – для своего царского поставленья и многолетнего здоровья, третье – годовое. Со всей земли не велел брать податей, дани, посохи и на городовые постройку, делает все своею царскою казною. Да не только русских людей пожаловал, и над всеми иноземными милосердье его царское излилось: немцев и литву, которые по грехам своим были в ссылке по дальним городам, велел взять в Москву, дал поместья, вотчины, дворы и деньги, а которые захотели служить, тех принял в службу и годовым жалованьем устроил; торговым людям немцам дал по тысяче рублей, иным – по две тысячи, и многих пожаловал званием гостя. Бурмистры отвечали: «Слышали мы подлинно, что государь ваш дороден, счастлив и милостив, и за его к бедным немцам лифляндским жалованье по всей земле Немецкой во веки ему честь и хвала».

Нашедши Рудольфа в Пильзене, куда он выехал из Праги от морового поветрия, Власьев так говорил большим думным людям императорским: «Ведомо цесарскому величеству и вам, советникам его, что попустил бог бусурман на христианство, овладел турский султан Греческим царством и многими землями – Молдованами, Волохами, Болгарами, Сербами, Босняками и другими государствами христианскими, также, где была из давних лет православная христианская вера, – Корсунь город, и тут вселился магометанский закон, и тут теперь Крымское царство. Для избавы христианской царское величество сам своею персоною хочет идти

на врага креста Христова со многими своими ратями, русскими и татарскими, сухим путем и водяным, чтоб Рудольфу цесарю вспоможенье, а православному христианству свободу учинить. Но царскому величеству и вам ведомо, что к крымскому хану водяного пути нет, кроме Днепра, а по Днепру города литовского короля и литовские черкасы; великий государь посылал к Сигизмунду королю посланника просить судовой дороги Днепром, но Сигизмунд и паны-рада дороги не дали и посланника к цесарскому величеству не пропустили. Король не хочет видеть между великим государем нашим и цесарем дружбы, а христианам добра, с турским ссылается и крымского через свою землю на цесареву землю пропускает. Да и прежде от польских людей над Максимилианом, арцы-князем австрийским, многое бесчестье учинилось. Так цесарское величество, подумав с братом своим Максимилианом и со всеми курфирстами, государю нашему объявил бы: как ему над Польшею промышлять и такие досады и грубоности отомстить? А великий государь наш хочет стоять с ним на Польшу и Литву заодно».

Эта хитрая по-тогдашнему речь, начавшаяся несбыточным обещанием, что сам Борис пойдет на Крым, и кончившаяся призывом к войне с Польшею, показывает, какие жалкие попытки делало московское правительство вследствие совершенного незнания отношений между западными государствами. Годунов надеялся голословными обвинениями побудить императора Рудольфа к разрыву с Польшею! Цеса-

ревы советники отвечали: «Король Сигизмунд и паны радные нам отказали: на турецкого заодно стоять с нами не хотят. Да что с ними и говорить! Смятенье у них великое, сами не знают, как им вперед жить, короля не любят. Цесарское величество большую надежду держит на великого государя Бориса Федоровича: думает, что по братской любви и для всего христианства он его не забудет. Всего досаднее на поляков цесарскому величеству, что не может их на то привести, чтоб стояли с ним заодно на турка, но делать нечего, надобно терпеть, хотя и досадно: цесарское величество с турецким воюет, и если еще с поляками вой ну начать, то с двух сторон два недруга будут, а казны у цесаря не станет от турецкой войны, но как даст бог время, то цесарь станет над Польшею промышлять... Правду сказать, король Сигизмунд цесарю недавно послушен и любителен показался; король ни в чем не виноват, пенять на него нельзя, надобно пенять на поляков, которые великие недруги Австрийскому дому». Этими словами австрийские вельможи давали ясно выразуметь послу о тесном союзе императора с королем Сигизмундом; поэтому сношения Москвы с Австриею не могли повести ни к чему: Борис не мог в угоду императору начать войну с турками, а император в угоду Борису не мог воевать Польшу.

Королева Елисавета по-прежнему льстила Борису и послам его, чтоб доставить в России выгоды купцам английским. Узнав о восшествии на престол Годунова, Елисавета

писала ему: «Мы радуемся, что наш доброхот по избранию всего народа учинился на таком преславном государстве великим государем». Борис отвечал ей, что он учинился царем по приказу царя Феодора, по благословению царицы Ирины и по челобитью всего народа. В 1600 году отправлен был в Англию посланником дворянин Микулин, которому дан наказ: если спросят, каким образом учинился на государстве Борис Федорович? – отвечать: «Ведомо вам самим, при великом государе Феодоре Ивановиче царский шурин Борис Федорович, будучи во властодержавном правительстве, в какой мере и в какой чести был, и своим разумом премудрым, храбростию, дородством и промыслом царского величества имени какую честь и повышение и государству Московскому прибавление во всем сделал: всяким служивым людям милосердье свое показал и многое воинство устроил, черным людям – тишину, бедным и виновным – пощаду, всю Русскую землю в покое и тишине и в благоденственном житии устроил. И великий государь Феодор Иванович, отходя сего света, приказал и благословил государыне царице и своему царскому шурина быть на государстве Московском. Государыня пошла в монастырь и по слезному челобитью всего народа благословила брата своего».

Микулину при всяком удобном случае давали знать, что ему оказывается особенная честь пред другими послами. Так, ему говорили: «В том месте, где вам выйти из судов в Лондоне, пристаёт одна государыня наша Елисавета коро-

левна, а кроме нее, никто». Елисавета говорила по-прежнему: «Со многими великими христианскими государями у меня братская любовь, но ни с одним такой любви нет, как с вашим великим государем». За обедом во дворце московский посланник с подьячим и переводчиком сидели за особым столом по левую руку от королевы. Когда стол отошел, королева начала умывать руки и, умыв, велела серебряный умывальник с водою подать Микулину, но посланник на жалование бил челом, рук не умывал и говорил: «Великий государь наш королеву зовет себе любительною сестрою, и мне, холопу его, при ней рук умывать не годится». Королева засмеялась и Микулина похвалила за то, что ее почтил, рук при ней не умывал.

Микулин чтит королеву, но больше всего боялся уменьшить чем-нибудь честь своего государя: когда лорды приглашали его вести переговоры на их дворе, то он не согласился, требовал непременно, чтоб переговоры происходили во дворце, и его требованию уступили, лорды съезжались с ним на Казенном дворе, как он выражается. Лорд-мэр позвал его обедать; купцы, бывавшие в России, сказали Микулину, что лорд-мэр сядет за столом выше его, ибо такой обычай, и все послы сядутся ниже лорда-мэра. Микулин отвечал: «Нам никаких государств послы и посланники не образец; великий государь наш над великими славными государями высочайший великий государь, самодержавный царь. Если лорд-мэр захочет нас видеть у себя, то ему нас чтить для имени цар-

ского величества, и мы к нему поедем; а если ему чину своего порушить и меня местом выше себя почтить нельзя, то мы к нему не поедем». И действительно, посланник не обедал у лорда-мэра. Микулин был в Лондоне во время восстания Эссекса (13 февраля 1601); Елисавета писала Годунову, что Микулин готов был подвергнуться опасности и биться с бунтовщиками. Но сам Микулин доносит только, что была смута и 24 февраля *ерль Эксетский* (граф Эссекс) казнен смертью, и по нем в Лунде (Лондоне) было великое сетованье и плач великий во всех людях.

Кроме Англии по делам торговым были сношения с городами ганзейскими: Борис исполнил просьбу 59 городов и дал им жалованную грамоту для торговли, при этом любчанам сбавлена была пошлина до половины. В 1601 и 1604 годах папа Климент VIII и кардинал Альдобрандини писали к Борису о пропуске нунциев и миссионеров, отправлявшихся в Персию; позволение было дано. С герцогом тосканским Борис пересылался насчет вызова в Москву итальянских художников, на что герцог объявлял радушное согласие.

Отношения к Крыму были благоприятны; хан, живший не в ладу с султаном, принуждаемый принимать участие в войнах последнего и видя, с другой стороны, могущество Москвы, невозможность приходить врасплох на ее украины, ибо в степях являлись одна за другою русские крепости, должен был смириться и соглашаться с московскими послами, которые провозглашали, что государь их не боится ни хана, ни

султана, что рати его бесчисленны. Борис приказывал отпускать крымских гонцов так, чтоб новые города: Оскол, Валуйки, Борисов – были в стороне, чтоб они шли не близко тех городов, не видали их и не рассматривали; провожатых с ними из Ливен не посылать, потому что они провожатых бьют и в полон берут. Летом 1601 года в новый Борисов город послан был окольный Бутурлин для размена русских и крымских послов; в послах должен был идти князь Григорий Волконский; со стороны хана приехал известный уже нам Ахмет-паша Сулешов; переговоры происходили на мосту, который был наведен на Донце. Когда Бутурлин сказал Ахмет-паше, что князь Волконский везет к хану деньгами больше 14000 рублей, то Ахмет отвечал: «В прежние годы посылавано больше того и в последний раз, как я на Ливнах разменивал послов, было послано больше: что это за любовь, час от часу все убавлять? Привезши казну несполна, хотите меня к шерти привести; ваш государь к царю писал, что по цареву запросу все сполна послано и мне шерти не давать». Бутурлин отвечал, что царь Борис на преславных государствах учинился внове, государь мудрый, храбрый, милосердый, такого милостивого государя в Русском царстве не бывало: объявляя свое царское милосердие всяким ратным людям для своего царского венца и для своего многолетнего здоровья и для блаженной памяти царя Феодора Ивановича, пожаловал на один год три жалованья, а что было казны прежних государей и что было его прежней казны, все

роздал и никаких податей брать не велел; а что в казне осталось, то прислал к хану. Пусть, продолжал Бутурлин, хан даст шерть и соблюдает ее; а если он захочет это сделать обманом, на своем слове и на правде не устоит, то государь наш сам своею царскою персоною, со всеми своими несчетными ратями, русскими, татарскими и немецкими, против царя пойдет и станет над ним своего дела искать, где царь ни будет. Ахмет сказал на это: «Я знаю, что государь ваш милостивый и дородный, захочет какую недружбу своему недругу мстить, и ему все можно сделать». Но, и признав могущество Бориса, Ахмет никак не хотел давать шерти, потому что денег было мало, и Бутурлин должен был разменяться послами без шерти. После размена Бутурлин звал Ахмет-пашу к себе в шатер за получением царского жалованья, но Ахмет не пошел. Тогда князь Волконский, уже бывший с ним за Донцом, дал знать Бутурлину, что Ахмет-паша двинулся с места, говорит, что ему царского жалованья не дали, так он хочет государеву казну, что с послами, взять, а самих послов покинуть. Бутурлин испугался, возобновил переговоры, и решили поставить шатер на мосту, на том месте, где прежде сходились, и в шатре Ахмету взять жалованье.

Но хан не отказался дать шерти и прислать клятвенную грамоту в Москву с послом своим Ахмет-Челибеем, причем писал Борису: «Вы на правде не стоите: донские козаки дважды уже в нашу землю приходили и улусы наши побрали». Очень любопытна тайная грамота Казы-Гирея Борису, в ко-

торой хан старается убедить царя, чтоб тот не строил крепостей в степи: «Теперь, – пишет хан, – ты города поставил, и этими городами к нашему государству близко подошел, а те места, которые по Донцу, наших улусов угодыя. Будь тебе, брату нашему, ведомо: турецкий государь на ваше государство как ни помыслит рать послать, так я ему отговариваю тем, что место дальнее и пешей его рати до вашего государства не дойти, чем ему и запрещаю; а только он сведает, что к вашим городам близко и дойти можно, то он будет вашим государствам вредить. И тебе бы вперед гораздо помыслить: если дальше тех городов, которые поставлены, станете подвигаться, то это шерть и добро порушит. Татарские князья и лучшие люди нам говорят: русские города к нам близко поставлены, и если между нами будет недалеко, то нашим людям с русскими людьми нельзя не задираться». На это дан был ответ: «Турского рать великому государю не страшна; великий государь может стоять против всех своих недругов, а рати у государя нашего несчетно. Города поставлены на поле для воров черкас, потому что многие воры черкасы и донские козаки послов и гонцов громили; а как те города поставлены, то теперь послам, посланникам и гонцам дорога чиста, государя вашего улусам от тех городов убытка нет, а только прибыль, что уже тут воры черкасы больше не живут».

Перемена отношений ясно высказывалась во всем: когда Борис должен был клясться в соблюдении мирных условий,

то велел быть Ахмет-Челибею у себя наедине, взял в руки книгу и, подержав ее, сказал: «Это наша большая клятва, больше ее у нас не бывает», и отдал книгу боярину Семену Никитичу Годунову. Ахмет-Челибей ударил челом о землю и говорил: «Когда государь наш Казы-Гирей перед вашим послом, князем Григорием Волконским, прямую шерть учинил на коране, то князь Волконский велел эту книгу смотреть толмачу своему; со мною Казы-Гирей для такого же дела прислал дьяка грека; и в том как ты, государь, повелишь». Борис отвечал: «Сказывал я тебе, что мы такой клятвы не давали никогда, как теперь брату своему дали; с которыми великими государями бывает у нас мирное постановление, то с их послами утверждают бояре наши окольные и думные дьяки, а большим укреплением царское слово бывает, то и правда. А теперь, желая крепить братство с Казы-Гиреем выше всех государей, велели мы тебе быть у себя наедине, только теперь при нас сродник (и указал на боярина Семена Никитича) да ближний дьяк Афанасий Власьев, потому что все большие дела тайные». Посол должен был удовольствоваться этим объяснением.

То, что Борис подержал книгу в руках, разумеется, не мешало донским козакам нападать на крымцев; хан требовал у московского посла, князя Борятинского, чтоб тот или сам поехал, или послал кого-нибудь к козакам унять их и взять у них пленных татар, Борятинский отвечал с сердцем, что он послан не для того, чтоб унимать козаков и полон отыс-

кивать. За такой ответ хан выслал его из Крыма, но и это не имело никаких неприятных последствий для Москвы, и сношения возобновились.

Мирных сношений с Турцией не было при Борисе. Как прежде при царе Феодоре Борис помог Австрийскому двору казною против турок, так теперь помогал он против них единоверному воеводе молдавскому Михаилу; кроме денег на военные издержки, в Молдавию посылались церковные украшения, образа.

Если отношения к Крыму видимо принимали благоприятный оборот, то иначе шли дела за Кавказом: рано еще, не по силам было Московскому государству бороться в этих далеких краях с могущественными турками и персиянами. Мы видели уже, что Александр кахетинский не мог быть усерден к Москве, из которой ему давали знать, чтоб он не надеялся скорого освобождения от страшных магометанских соседей, и манил султана. Александр горько жаловался, что ошибся в своих надеждах. Преждевременное вмешательство в дела Закавказья обошлось дорого Москве уже при Феодоре, еще дороже обошлось в царствование Бориса: уполномоченный Москвою хитрить, Александр, признавая себя слугою Бориса, сносился в то же время с сильным Аббасом персидским и позволил сыну своему Константину принять магометанство, но и это не помогло: Аббас хотел совершенного подданства Кахетии и велел отступнику Константину убить отца и брата за преданность Москве. Преступление было совершено;

с другой стороны, в Дагестане русские под начальством воевод Бутурлина и Плещеева вторично утвердились было в Тарках, но турки вытеснили их отсюда, а кумыки перерезали при отступлении после отчаянного сопротивления: 7000 русских пало вместе с воеводами и владычество Москвы исчезло в этой стране (1605 г.).

В далеком Закавказье Москва не могла защитить единоверцев своих от могущественных народов магометанских; зато беспрепятственно утверждалась ее власть в степях приволжских и в пустынях Сибири, где государи магометанские по своей отдаленности не могли защитить от нее своих слабых единоверцев. Ногаи разделялись на три орды, из которых одна только признавала власть московского царя. Борис, желая подчинить себе все три орды и опасаясь связи одной из них с Турциею и Крымом, приказывал подчиненному себе хану теснить ногаев турецких и в то же время, чтоб вернее достигнуть цели, приказывал астраханским наместникам ссорить ханов, следствием чего была кровопролитная война и запустение неприязненного улуса; но в подчиненном себе улусе Борис строго запрещал междоусобия.

В Сибири Кучум был жив и не переставал отводить сибирские волости от московского государя. В августе 1598 года за ним погнался воевода Воейков, собирая на дороге языки о кочевьях слепого сибирского царя; кинув обоз, Воейков шел день и ночь, нашел Кучума на лугу на Оби, бился с ним от восхода солнечного до полудня и наконец одолел; семей-

ство Кучума попало в плен к русским, старик сам-третей ушел в лодке вниз по Оби. С какими же средствами велись эти сибирские войны, вследствие которых вся северная Азия подчинялась Москве, подчинялась христианству и гражданственности европейской? Воевода Воейков пишет, что у него в походе против Кучума было рати: три сына боярских да голова татарский, три атамана да четыреста без трех человек литвы, козаков, юртовских и волостных татар. С такою разноплеменной ратью воевода бился полдня и поразил Кучума, но при этом надобно сказать также, что у сибирского царя было только 500 человек войска.

Пока упрямый Кучум был жив и не отказывался от вражды к Москве, до тех пор нельзя было ждать покоя в Сибири, и вот завели с ним опять сношения. Воейков послал сказать ему, чтоб он ехал к государю, государь его пожалует, жен и детей велит отдать; Кучум отвечал: «Не поехал я к государю, по государевой грамоте, своею волею в ту пору, когда я был совсем цел; а теперь за саблюю мне к государю ехать не по что, теперь я стал глух и слеп, и нет у меня ничего. Взяли у меня промышленника, сына моего Асманака царевича; хотя бы у меня всех детей побрали, а один остался Асманак, то я бы с ним еще прожил; а теперь сам иду в Ногаи, а сына посылаю в Бухары». Старик пошел в Ногаи за смертью: его убили там. Семейство Кучума отправили в Москву с воеводами и козаками; дорога была тяжела для пленных, потому что провожавшие их воеводы не смели ничего сделать без царской

грамоты, обо всякой безделице писали в Москву и дожидались ответа, а между тем пленники нуждались в необходимом. Козаки, по обычаю, буйствовали; воеводы писали царю: «Пришел к царевичам ночью пьяный козак, царевичей бранил непристойными словами, потом пришли ночью и к нам козаки и нас бранили. Мурзам от козаков теснота великая, а нас не слушают, ходят пьяные, воруют, к царевичам и к царицам ходят бесчинно, а нас и атаманов своих не слушают, говорят: мы вам не приказаны, так мы такие же, что и вы». Пленников ввезли торжественно в Москву напоказ народу и потом разослали по городам.

Строение городов в Сибири продолжалось; построены были: Верхотурье, Мангазея, Туринск, Томск. Томскому воеводе велено было прибрать в свой город в служивые люди и на пашню из зырян 50 человек, но ему удалось прибрать в Сургуте только пять человек. Тогда царь писал на Верхотурье, чтобы там прибрали для Томска 50 человек из гулящих охочих людей, и дать им по два рубля с полтиною денег человеку, хлеба по четверти муки, по полосмине круп, столько же толокна; прибрать молодцев молодых добрых, которые бы стрелять умели. Кроме служилых и пашенных людей, в новопостроенные сибирские города переводились из других городов и торговые люди: так, в 1599 году велено было двоим купцам из Вятки переселиться на Верхотурье. Прибирались туда и ямские охотники; им дано было от заимодавцев льготы на три года, с тем чтоб они в это время устроили се-

бе дворы и завели пашню. Верхотурские стрельцы, козаки, пашенные крестьяне и ямские охотники били челом государю: держат они по найму для своей нужды, для пашни и для гоньбы ярыжных козаков, дают им найму по три рубля с полтиною и по четыре рубля на лето, кроме того, что они едят и пьют у них; но этих козаков берут у них воевода и голова на царские изделия; кроме того, воевода и голова нанимают к казенным баням ярыжных козаков, дают им найму в год по четыре и по пяти рублей, и эти деньги, также деньги на банную поделку велят собирать с их ярыжных козаков. Царь запретил это. Позволено было пинежанам и мезенцам ездить в Сибирь, торговать с тамошними народцами, платя десятый лучший мех в казну царскую. В 1604 году бил царю челом верхотурский ямской охотник Глазунов: торгует на Верхотурье верхотурский жилец, торговый человек Лучанин всякими товарами с вогуличами; у кого сведает какой товар, перекупает, а младшим людям товару никакого купить не даст; сам на товаре даст рубли два или три, а возьмет рублей восемь, десять или пятнадцать, царской десятинной пошрины не платит, говорит, что у него жалованная грамота. Царь писал воеводе, что если ямщик говорит правду, то брать у Лучанина пошрину, какая берется с приезжих торговых людей, и не велеть ему перекупаться товарами, чтобы верхотурским всяким людям в том нужды и тесноты не было.

В Верхотурском уезде заведены были казенные соляные варницы; но промышленность эта не могла идти успешно по

причине недостатка в людях. Своего хлеба в новопостроенных сибирских городах доставало, надобно было присылать хлебные припасы туда из Европейской России; самый удобный способ доставки был по рекам, но для этого нужны были суда, и вот для постройки судов велено было выслать в Сибирь плотников с Перми, Вятки, Выми, Сольвычегодска, Устюга человек 80 и больше; эти плотники устраивались пашнею в удобных для судостроения местах; судовые снасти отправлялись из Ярославля и Вологды. Надобно бы озаботиться и о дорогах сухопутных; проведена была дорога между Соликамском и Верхотурьем; прокладывали ее посошные люди под надзором вожа и целовальников; вож воровал, приказывал дороги чистить узко, мосты мостить худые, целовальники на него жаловались; жаловались воеводы и служилые люди, ездившие в Сибирь, что по этой новой дороге хлебных запасов и сибирской казны провозить будет нельзя и служилым людям ездить по ней будет с большою нуждою; царь велел послать целовальников и посошных людей чистить дорогу сызнова, чтобы на ней заломов и пней не было. Годунов заботился и о туземцах: в 1598 году он писал, чтобы не брать у тюменских татар подвод для гонцов, не взыскивать ясака с татар и остяков бедных, старых, больных и увечных; заботился о примирении выгод туземцев и русских переселенцев, писал верхотурскому воеводе, чтоб он вогуличам с верхотурскими торговыми людьми сенные покосы, рыбные и звериные ловли и всякие угодыя поде-

лил, как доведется, чтобы вогуличам нужды не было и верхо-турским торговым людям чтобы также нужды не было. Крещеных дикарей велено было записывать в стрельцы; церкви в новопостроенных городах были снабжаемы книгами.

Так распорядился Борис в странах новоприобретенных и новонаселенных. Теперь взглянем на его распоряжения в старых областях Московского государства. В 1599 году патриарх объявил, что грамота, данная Грозным митрополиту Афанасию, ветха, и потому Борис возобновил ее на свое имя: в этой грамоте подтверждено, что духовенство патриарших монастырей и все люди, служащие патриарху и живущие на его землях и землях его монастырей, подлежат только его патриаршему суду, исключая душегубство; кроме того, крестьяне патриаршие и его монастырей освобождены от разных повинностей.

Мы видели, что в 1580 году жители города Хлынова просили царя, чтоб у них был основан монастырь; теперь, в 1599 году, жители вятского же города Слободского били челом, что у них много людей желают постричься, но нет монастыря, а которые уже постриглись, то волочатся без пристрой между дворов, отца духовного у них близко нет и они умирают без покаяния и причащения; есть монастырь Успенский в Хлынове, но далеко, да посадским людям и волостным крестьянам постригаться в нем трудно: архимандрит и старцы просят много вkladу, по десяти, пятнадцати и двадцати рублей, с убогого человека меньше десяти рублей не

берут, а кому случится постричься у себя на подворье, то они без пяти рублей не постригут. Поэтому слобожане просили, чтоб патриарх позволил им построить монастырь у себя в городе, а строителя уже они выбрали; патриарх согласился. В Верхотурье монах Иона построил монастырь по своему обещанию. Мы видели, какой дан был наказ поповским старостам в 1594 году; но в 1604 году патриарший тиун Чортов доносил Иову, что старосты и десятские поповские в поповскую избу не приходят, попов и дьяконов от бесчиния не унимают: безместные попы и дьяконы в поповскую избу не ходят и перед литургиею правила не правят, садятся у Фроловского моста и бесчинства делают большие, бранятся скаредно, а иные играют, борются и на кулачки бьются; а которые нанимаются обедни служить, те идут в церковь, не простившись с теми из своих братьев, с которыми бранились; служат обедни не вовремя, рано, без часов; приезжие попы ему, тиуну, ставленных грамот своих не кажут, его не слушают, бранят и позорят. Патриарх подтвердил прежний наказ поповским старостам. При вступлении своем на престол, собирая войско против хана, Борис объявил, чтоб воеводы были без мест. Но местничество при нем не ослабевало. В этом отношении любопытна переписка с царем Михаила Глебовича Салтыкова, посланного в Иван-город навстречу принцу Иоанну датскому. В Иван-городе было трое воевод: князь Василий Ростовский, Третьяк Вельяминов и князь Петр Кропоткин. Салтыков, приехав в Иван-город, об-

ратился с вопросом к двум младшим воеводам – Вельяминову и Кропоткину: нет ли немецких выходцев на государево имя, и если есть, то посланы ли они к государю? Воеводы отвечали, что выходцы есть, выехали тому дня с четыре, о вестях, ими принесенных, написали они, воеводы, к государю грамоту, но эта грамота еще не отпущена, потому что старший воевода, князь Василий Ростовский, в съезжую избу не приезжал, выходцев не спрашивает и государю о том не пишет; они же мимо его писать не смеют и писать у них некому: подьячие живут у князя Василья на дворе, и прогонов им дать нечего, денег у них нет. Они, воеводы, ежедневно к князю Василью приказывают, чтоб он немцев спросил или бы велел им, воеводам, быть к себе на двор и с ними тех немцев расспросил и о всяких делах городских с ними поговорил; но князь Василий их к себе не пускает и дела не делает: ключи городские и списки дворянам прислал с подьячим в избу, велел положить на столе и отказал, что ему государевых дел не делать. Салтыков сказал на это Вельяминову и Кропоткину: «Вы делаете не гораздо, что такие великие многие дела за вашею рознею теперь стали». Потом Салтыков пошел к князю Ростовскому и говорил с ним наедине; воевода отвечал, что дела ему никакого делать нельзя за Вельяминовым, у которого написано в наказе, что по государеву указу велено ему быть в Иван-городе в воеводах, а воеводы – князь Ростовский и князь Кропоткин уже тут, в Иван-городе, были и этим ему, князю Василью, голова ссечена, и за тем ему и

никакого дела делать нельзя. Салтыков отвечал ему: «Какое тебе будет до Третьяка дело, то пиши и бей челом государю, а униженья тебе тут никакого нет, Третьяк тебе не местник, велено ему быть с тобою, да и сам Третьяк перед тобою говорит, что ему с тобою не сошлось». Князь Ростовский сказал на это, что он дела не делает явно за Третьяком, а тайно всякие дела делает и за ним не станет, и прибавил: «Кто таких дураков воевод посылает?» Потом, спохватившись, сказал: «Государь этого не ведает». Но Салтыков отвечал ему, что он говорит не гораздо: жалует воевод государь, отпускает от своего царского лица и от своей царской руки и посылают их по государеву указу; да и про свою братию, воевод, так ему говорить непригоже. Князь Ростовский с своей стороны жаловался царю, что двое других воевод не велели ходить к нему подьячим, отчего ему писать к царю нельзя, ибо своею рукою писать не может, болен; жаловался, что Салтыков ни о каких государевых делах ему не говорит.

К царствованию Бориса принадлежит любопытный местнический случай, в котором видим столкновение интересов родственных с интересами родовыми: в июле 1598 года бил челом князь Ноготков вместо всех князей Оболенских: в нынешнем году был на берегу в правой руке в третьих боярин князь Иван Васильевич Сицкий, а в передовом полку в третьих – князь Александр Репнин-Оболенский. И князь Репнин был меньше князя Сицкого, не бил челом в отечестве, дружась с князем Сицким и угождая Федору Никитичу Ро-

манову, потому что Федор Романов, князь Сицкий и князь Репнин между собою братья и великие друзья. А умышлял это Федор Романов для того, чтобы воровским нечелобитьем князя Репнина поруха и укор учинились в отечестве от его рода Романовых и от других чужих родов всему их роду князей Оболенских. Государь бы их пожаловал, велел это их челобитье записать, чтобы всему их роду в отечестве порухи и укору не было от чужих родов. И государь князя Ноготкова пожаловал, велел челобитье в разряд записать, что князь Репнин был с князем Сицким по дружбе, и князь Репнин князю Сицкому виноват один, а роду его – всем князьям Оболенским от этого порухи в отечестве нет никому.

Борис, если верить показаниям иностранцев, увеличил число стрельцов в Москве: по Флетчеру, при Феодоре было в Москве 7000 стрельцов; при Борисе, по Маржерету, уже было 10000; они разделялись на приказы, каждый – в 500 человек, приказом начальствовал голова. Голова, смотря по службе, получал жалованья от 30 до 60 рублей и, кроме того, поместье; сотники получали от 12 до 20 рублей, десятники – до 10, рядовые – от 4 до 5, кроме того, получали ежегодно по 12 четвертей ржи и столько же овса. Когда Борис выезжал из Москвы, хотя бы не далее шести верст, то его окружало множество стрельцов, которым выдавались лошади из царских конюшен, и число всей конницы, как стрелецкой, так и дворянской, окружавшей царя при выездах, простиралось от 18000 до 20000. Каждый воевода имел свое знамя с изобра-

жением известного святого, зная это благословлялось патриархом, для ношения его определялось двое или трое человек; кроме того, каждый воевода имел свой собственный набат или большие медные барабаны, которые возились на лошадях; у каждого воеводы таких барабанов 10 или 12, столько же труб и несколько бубнов; при звуке всех этих инструментов начинается битва, но один барабан назначен бить отступление. Жалованье боярам, по Маржерету, простиралось от 500 до 1200 рублей: последнюю сумму получал первый боярин, князь Мстиславский; окольные получали от 200 до 400 рублей и от 1000 до 2000 четвертей земли, окольных было 15; думные дворяне, числом шесть, получали от 100 до 200 рублей и до 1200 четвертей земли; московский дворянин – от 20 до 100 рублей и от 500 до 1000 четвертей, выборный дворянин – от 8 до 15 рублей и городской – от 5 до 12 и до 500 четвертей земли; боярские дети получали по 4, 5, 6 рублей и от 100 до 500 четвертей земли. Из этих служилых людей, говорит Маржерет, составляются огромные толпы, не знающие порядка и дисциплины и потому приносящие гораздо более вреда, чем пользы. Вспомогательные отряды черемис, мордвы и татар простираются до 30000; черкас – от 3000 до 4000, иностранцев, то есть немцев, поляков и греков, – 1500; последние получают от 12 до 60 рублей жалованья, а начальные люди – до 120 рублей и, кроме того, от 600 до 1000 четвертей. Даточные люди выставляются с земель духовенства, с каждой четверти – по два ратника, один кон-

ный, другой пеший. Лошади большею частию получаются из Ногайской орды (кони), они средней величины и могут бежать от семи до осьми часов, не останавливаясь, очень дики и пугаются ружейного выстрела, цветом они белые с черными пятнами, едят мало овса или вовсе не едят его; русские употребляют еще грузинских лошадей: эти красивы, но относительно выдержливости и скорости их нельзя и сравнивать с ногайскими. Употребляются также турецкие и польские лошади, которые называются аргамаками; собственно русские лошади малы ростом, но добры, особенно те, которых пригоняют из Вологды и соседних стран. Можно купить хорошую русскую или татарскую лошадь за 20 рублей, и она служит лучше, чем турецкий аргамак, стоящий от 50 до 100 рублей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.